
УДК 82.0 (470)

ББК 83.3 (2=Рус) 6

П 68

Прайс-Хардинг Н.Ю.

Преподаватель русского языка Кембриджской русской школы, e-mail: natalieharding1@hotmail.co.uk

Бешукова Ф.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8434@yandex.ru

**Д.П. Святополк-Мирский и М. Цветаева:
коллизии судьбы и творчества
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются аспекты личной и общественной жизни князя Д.П. Святополк-Мирского. На материале архивных данных описывается его встреча с поэтессой Мариной Цветаевой, и выявляется его роль в признании таланта поэтессы. Анализируются факты схожести судеб Мирского и Цветаевой, а также трагические последствия их возвращения в Советскую Россию. Литературно-критическая деятельность Мирского оценивается как значительный вклад в объективное осмысление литературного пространства русской эмиграции.

Ключевые слова:

Эмиграция, первая мировая война, гражданская война, белая армия, Великобритания, Советская Россия, русская эмиграция, талант, литературный критик, журналист, журнал «Версты», Британская энциклопедия.

Prays-Harding N.Yu.

Teacher of Russian of the Cambridge Russian School, e-mail: natalieharding1@hotmail.co.uk

Beshukova F.B.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: fat8434@yandex.ru

D.P. Svyatopolk-Mirsky and M. Tsvetaeva: destiny and creativity collisions

Abstract:

The paper examines the aspects of private and public life of Prince D.P. Svyatopolk-Mirsky. Using the archive materials, the authors describe his meeting with poetess Marina Tsvetaeva and his role in recognition of the poetess' talent. An analysis is made of similarity of destinies of Mirsky and Tsvetaeva, as well as tragic consequences of their return to Soviet Russia. Literary and critical activity of Mirsky is estimated as the significant contribution to objective comprehension of literary space of the Russian emigration.

Keywords:

Emigration, World War I, Civil War, White Army, Great Britain, Soviet Russia, Russian emigration, talent, literary critic, journalist, Versty Journal, Encyclopaedia Britannica.

Интерес к личности князя Д.П. Святополк-Мирского проявляется у всё большего количества исследователей литературы русской эмиграции, как за рубежом, так и в России. Какими фактами биографии и творческой судьбы вызван этот интерес и кем же на самом деле был Святополк-Мирский в истории русской культуры, особенно русского зарубежья?

Невозможно однозначно ответить на этот вопрос, поскольку интересы и увлечения Святополк-Мирского были очень разносторонни. Он был журналистом и литературным критиком при Сталине и в эмиграции, актёром кино и историком литературы, князем и бывшим белым офицером, служившим в деникинском штабе в годы Гражданской войны, русским эмигрантом и преподавателем русской литературы в Лондонском университете, британским коммунистом и «последним из Рюриковичей» (или «царём Димой», как уже в Советской России его прозвал Ю.Олеша [1: 34]), членом Союза советских писателей и обвинённым по ложному обвинению, закончившим свою жизнь в советском лагере для политических заключённых. О нём существуют легенды и высказываются самые разные мнения. Но личность Мирского и особенно его замечательный литературный талант никого не оставляли равнодушным. Действительно, князь Мирский иногда проявлял противоречивость во взглядах и оценках, но в то же время он всегда оставался верным интересам русской литературы. Он был человеком, одержимым страстной любовью к журналистике и качественной литературе.

Будучи совсем молодым человеком, Д.П. Святополк-Мирский оказался в гуще событий Первой мировой войны, был ранен, заслужил за военную доблесть Орден Святой Анны и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После поражения Белой Армии в Гражданской войне он вынужден

был эмигрировать в Великобританию. По воспоминаниям Г. Мунблита, много позже, уже после возвращения в Советскую Россию, Мирский поразил советского поэта Багрицкого и его гостей мастерством владения саблей «<...> на таком недостижимо высоком уровне, о каком можно было только мечтать» [1: 35]. Впрочем, почти всё, за что брался князь Д.П. Святополк-Мирский, было на «недостижимо высоком уровне». Вот что вспоминает о нём Г.Л. Козловская, учившаяся в Лондонском университете: «<...> мне посчастливилось прослушать несколько его лекций о Толстом и Достоевском, которые он читал на английском языке для студентов Лондонского университета. Никогда потом мне не довелось слышать ничего более блистательного. Это было такое проникновение, озаряющее до самого дна творческую суть и характер двух русских гениев <...> Он сам, его речь, потрясающая по своей стилистике, каждая мысль, всё это творилось у нас на глазах, как ослепительное создание искусства <...> Когда он кончал, молодёжь обступала его тесным восторженным кольцом и, не отпуская, аплодировала безудержно и самозабвенно» [2: 125]. Известно также воспоминание ещё одной бывшей студентки Мирского в Королевском колледже Элизабет Хилл: «Мы восхищались его умом и оригинальностью, но он был застенчивый и отдалённый, когда общался с нами (We admired his brain and originality, but he was shy and remote in his dealings with us)» [3: 183]. Великолепное знание литературы и преподавательские способности Святополк-Мирского высоко ценились коллегами, в частности Гарольдом Вилльямсом, рекомендовавшим его на должность преподавателя русской литературы в Королевский колледж Лондонского университета. Вряд ли вышесказанное соответствует оценке, данной Зинаидой Гиппиус журналу «Версты», редактируемому Мирским, и ему самому, в которой она называет его «дефективным индивидуумом» [4: 37]. Сама Гиппиус справедливо подвер-

глась критике по этому поводу в эмиграции. Вот что, например, писал М. Осоргин в своём письме М. Вишняку: «Сейчас я прочёл в «П[оследних] н[овостях] статью Антона Крайнего о «Верстах <...> «Версты» - штука тонкая и довольно любопытная, если к ним подойти бесстрастно и беспристрастно. А вон Зинаида Ник[олаевна] охаяла <...>» [5: 281].

В дореволюционном Петербурге Мирский вращался среди писателей и поэтов, таких, как М. Кузмин, А. Блок, К. Мочульский и А. Ремизов. С последним Мирский снова встретился в эмиграции и, став литературным журналистом и критиком, всячески помогал Ремизову пробиться в мир литературного зарубежья [6]. Сам же Мирский получил высокую оценку К. Мочульского по поводу его «Антологии русской лирики»: «<...> составлена сь большимъ знаніемъ и вкусомъ. <...> Въ этой книгѣ находить себѣ выраженіе литературный вкусъ нашей эпохи. Для будущаго историка культуры она послужить драгоценнымъ матеріаломъ <...>» [7: 80].

В середине 20-х годов Сувчинские знакомят Мирского с Мариной Цветаевой, поэзию которой до личной встречи он воспринимал не очень серьёзно, называя её «талантливой, но безнадежно распущенной москвичкой» [8: 7]. Однако после личной встречи и более внимательного знакомства с её поэзией мнение Мирского изменилось: «Со Святополк-Мирским, сперва её хулившим, а потом раскаявшимся, у неё была кратковременная дружба, он пригласил её на 2 недели в Лондон в 1926 г., и до отъезда в Россию помогал финансово<...>», - писал М. Слоним [9: 178]. С. Андроникова и П. Сувчинский вспоминают о том, что между Мирским и Цветаевой была не кратковременная связь, а большая дружба и что они по-настоящему восхищались друг другом. Любовь князя Мирского к поэтессе отразилась и на его отношении к её поэзии, о которой он написал в своей «Истории русской литературы». В течение одного только 1926 года статьи Мирского

о поэзии Цветаевой появились в одном английском и четырёх русских журналах. Он называет её первым поэтом современности в XIII выпуске Британской Энциклопедии, тем самым уже тогда обессмертив её имя: «Одинаково оригинальной и свежей является поэзия Марины Цветаевой, единственной значительной поэтессы младшего поколения, живущей за пределами России. Разнообразие и богатство её ритмического воображения, спонтанность и плодотворность её воображения в сочетании с непогрешимым мастерством <...>, абсолютной оригинальностью её стиля, живостью и богатством её гения, делают её одним из наиболее значительных поэтов сегодняшнего дня» [10: 437]. Правда, в следующем XIV выпуске 1929 года он называет её «следующим за Пастернаком <...> значительным поэтом» [16: 757] (для ср. – оценка поэзии Цветаевой М. Горьким: «Я не могу согласиться с<...> высокой оценкой дара Марины Цветаевой. <...> Её талант поражает меня своей вульгарностью, даже истеричностью. <...> Она плохо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно <...>» [11: 179]). В свою очередь, М. Цветаева справедливо считала Мирского одним из немногих критиков, стоящих над политикой, о чём пишет в своей статье «Поэт о критике»: «Резкое и радостное исключение – суждение не по политическому признаку (отсюда-тьма!) – Кн. Д. Святополк-Мирский» [12: 118].

Судьбы Святополк-Мирского и Цветаевой во многом похожи: «<...>оба эмигрировали; оба не ладили с эмигрантской средой <...>; оба вернулись впоследствии в Россию и умерли преждевременной и неестественной смертью, он – в лагере, она – покончив самоубийством», оба «<...>они оставались привязанными к русской культуре и к самой России, и оба стали жертвами этой привязанности» [11: 65]. Ни Мирский, ни Цветаева не смогли жить вдали от России. Но была ли тогдашняя Россия готова принять этих талантливых людей и, главное, – оценить их по достоинству?

Примечания:

1. Мунблит Г. Рассказы о писателях. М.: Сов. писатель. 192 с.
2. Кудрова И. Версты, дали... Марина Цветаева: 1922-1939. М.: Сов. Россия 1991. 368 с.
3. Smith G.S. "D.S. Mirsky A Russian – English Life, 1890-1939". Oxford University Press, 2000. 398 p.
4. Злобин Вл. Новый Дом. 1926. № 1. С. 35.
5. Письма М. Осоргина М. Вишняку / публ. Д. Фине, Т. Осоргиной-Бакуниной // Новый журнал. Нью Йорк, 1990. № 178. С. 277-303.
6. Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922-1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора: новые материалы. СПб.: Феникс, 2003. Вып. 5. С. 335-401; Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1925. 211 с.
7. Временник Общества друзей русской книги. М.: Собрание 2007. 727 с.
8. Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1925. 211 с.
9. Слоним М. О Марине Цветаевой // Новый Журнал. Нью Йорк, 1970. № 100.
10. Encyclopaedia Britannica. Russian Literature. 13-th edition. 1926. Vol. III.
11. Encyclopaedia Britannica. Russian Literature. 14-th edition. 1929. Vol. XIX.
12. Цветаева М. Поэт о критике // Благонамеренный. 1926. II.
13. Smith G. Marina Tsvetaeva. Bern; Berlin; Frankfurt; New York; Paris; Wien, 1982 (Off-print, Oxford library).

References:

1. Munblit G. Stories about writers. M.: Sov. writer. 192 pp.
2. Kudrova I. Versts, distances... Marina Tsvetaeva: 1922-1939. M.: Sov. Russia 1991. 368 pp.
3. Smith G.S. «D.S. Mirsky A Russian-English Life, 1890-1939». Oxford University Press, 2000. 398 p.
4. Zlobin Vl. A New House. 1926. No. 1. P. 35.
5. Letters from M. Osorgin to M. Vishnyak / ed. by D. Fine, T. Osorgina-Bakunina // New journal. New York, 1990. No. 178. P. 277-303.
6. Letters from Svyatopolk-Mirskoy to A.M. Remizov (1922-1929) / ed. by R. Hughes // Diaspora: new materials. SPb.: Phoenix, 2003. Iss. 5. P. 335-401; Russian lyrics. The small anthology from Lomonosov to Pasternak. Paris, 1925. 211 pp.
7. Chronicle of the society of friends of the Russian book. M.: Sobraie 2007. 727 pp.
8. Russian lyrics. The small anthology from Lomonosov to Pasternak. Paris, 1925. 211 pp.
9. Slonim M. About Marina Tsvetaeva // New Journal. New York, 1970. No. 100.
10. Encyclopaedia Britannica. Russian Literature. 13-th edition. 1926 . Vol. III.
11. Encyclopaedia Britannica. Russian Literature. 14-th edition. 1929 . Vol. XIX.
12. Tsvetaeva M. A poet about criticism // Blagonamerenny. 1926. II.
13. Smith G. Marina Tsvetaeva. Bern; Berlin; Frankfurt; New York; Paris; Wien, 1982 (Off-print, Oxford library).